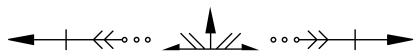
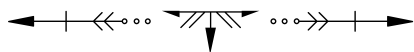

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

МАРИНА
ЕФИМИНЮК

БЕДОВЫЙ
МЕСЯЦ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 Бедовый месяц / Марина Ефиминюк. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-187065-2

По-моему, выйти замуж за богатого столичного мага — большая удача! Особенно для скромной выпускницы с двумя тетушками и тремя приводами в участок за активную жизненную позицию. Пусть Филипп Торн чуток надменен, но он хорош собой и щедро согласился прихватить в медовый месяц моих родных. Нас ждали две недели семейного отдыха в снегах, горах и на морозном воздухе... Не понимаю, когда все пошло не по плану? И как хорошая идея превратилась в эту бедово-медовую катастрофу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ефиминюк М.В.,
текст, 2023

© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-187065-2

Пролог

Вилсон всегда считал себя атеистом, но за год службы на Филиппа Торна, мага в шестом поколении, всерьез уверовал. И в бога, и в судьбу, и в святую пятую стихию. Хотя магическая наука давно доказала, что именно этой стихии не существует. Он научился везде находить дурные знаки, предупреждающие о быстрой отставке с самыми обратительными рекомендациями. И ведь срабатывало!

Сейчас об опасности кричала идеально вычищенная бронзовая ручка на двери в личные покои хозяина. Ее следовало нажать, чтобы войти, но в комнате личного помощника точно не ждало ничего хорошего. Кроме, разумеется, Филиппа Торна. Тот был хорош собой во всех смыслах. Это признавал даже сам секретарь, вообще-то с юного возраста интересующийся исключительно женщинами.

— Вилсон, я слышу, как вы топчетесь под дверь, — прозвучал спокойный хозяйский баритон. — Заходите.

Перехватив покрепче тяжелую кожаную папку, секретарь приоткрыл дверь и проник в покои. В них все говорило о богатстве: сдержанные цвета в интерьере, мебель красного дерева. И высокий мужчина перед напольным зеркалом в полный рост тоже олицетворял богатство.

Как однажды Вилсону сказали, «от мага Торна пахнет старыми деньгами и древней магией». От Филиппа, вообще-то, пахло абсурдно дорогим благовонием. Личный помощник сам его заказывал в парфюмерном ателье на площади Сендан по цене своего ежемесячного жалованья за один флакон. Но в целом он понял, о чем тогда говорил собеседник. Дай бог памяти вспомнить, кто это был...

Точно! Миранда Фарнет! Любовница Торна...

Ей-богу, лучше бы не вспоминал эту ведьму, чтобы не наклепать.

— Господин Торн, я знаю, что вы собираетесь в театр, но дело не требует отлагательств.

Филипп посмотрел на него сквозь зеркальное отражение. От ледяных хозяйских глаз хотелось немедленно закопаться под наборный паркет или спрятаться под шерстяной ковер с неброским рисунком.

— Если дело безотлагательное, почему вы молчите? — мягко спросил Торн. — Говорите, пока собеседник готов вас слушать.

Почему-то рядом с этим человеком Вилсон (между прочим, лучший за последние десять лет выпускник юридической академии) начинал чувствовать себя бараном. В смысле постоянно бляял, терял связность мысли и замороженно следовал в ту сторону, какую ему указывали.

Хорошо, что Торн пока не указал ему на дверь дорогого особняка. Жить в этом доме было сплошным удовольствием. В смысле было бы, не живи в нем высший маг. Видимо, дело в энергии, которую излучал этот человек. Он просто стоял перед зеркалом, поправляя запонки, а воздух вокруг него словно бурлил.

— Ваша драгоценная тетушка завтра планирует нанести визит! — выпалил Вилсон, потому что понятия не имел, как озвучить исключительно деликатную проблему, решение которой затягивать больше не следовало.

— Что Марджерри забыла в столице?

— Вы не ответили ни на одно ее письмо о женитьбе.

— Что не так с моей женитьбой? — Филипп выразительно заломил левую бровь. — Я же сказал: обряд в декабре, свадебное путешествие на курорт в Эрминские горы — не больше двух недель. Остальное на ее откуп.

— Но невеста... — Вилсон почувствовал, что, подходя к сути вопроса, начинает терять и голос и решимость.

— А с ней какая проблема?

— Как вам сказать...

— Говорите как есть. — Хозяин определенно начал раздражаться, пусть и не допускал раздосадованных интонаций. Он не любил глупцов. — Сейчас только июль,

рановато для предсвадебной истерии. Отправьте ей нюхательные соли.

— Некому посылать!

— Она вернула обручальный браслет?

— Вы еще не выбрали, кто будет носить этот браслет! — в отчаянье воскликнул Вилсон, на секунду зажмурившись.

Повисла страшная пауза. Личный помощник приоткрыл сначала один глаз, потом второй глаз. Впервые за год верной службы он увидел в лице надменного высшего мага, обычно держащего себя так, словно в комнате он самый умный, просто нечеловеческое недоумение.

От этого Вилсон сам чуть не впал в истерику и едва не полез в карман за собственной баночкой с нюхательной солью. Святые заступники, он был готов эту самую соль сжевать!

— Не выбрал что? — на всякий случай уточнил Филипп, видимо, отказываясь верить в неловкость.

— Кого... Невесту, — осторожно поправил секретарь и немедленно протянул трясущуюся в руках папку. — Я взял на себя смелость и забрал из вашего кабинета папку с портретами кандидаток, которую месяц назад прислали от свахи.

Торн коротко кивнул в сторону письменного стола, видимо, смирившись, что без невесты ни в декабре, ни в любой другой месяц не сможет отдать священный семейный долг. Секретарь подозревал, что самый завидный холостяк столицы, может, не отдавал бы его еще лет пятнадцать кряду, но отцовское завещание обязывало.

— У нас десять минут.

— Полагаю, этого будет вполне достаточно! — обрадовался Вилсон и поспешно разложил папку на столешнице, случайно сдвинув в сторону письменный набор из розового мрамора с золотыми жилками.

Без особого интереса Филипп принялся просматривать портреты и скользить быстрым, словно небрежным, взглядом по описаниям. Со стороны могло ошибочно показаться, будто он читал по диагонали. Но Вилсон-то знал, что хозяин оценивал каждую написанную почти каллиграфическим секретарским почерком литеру.

— Позвольте заметить, госпожа Прэйм — дочь королевского советника и обладает сильным магическим даром, —

хотя его мнения никто не спрашивал, прокомментировал личный помощник. Они с лакеем поспорили, кого выберет хозяин, и дочка советника значилась в списке Вилсона под первым номером. — В приданое дают золотой рудник и драконью ферму.

— Ни одна драконья ферма не окупит родство с ее отцом, — с равнодушным видом проговорил Торн и, не задержав взгляда, отшвырнул карточку в растущую стопку отбраковки.

Лучше бы Вилсон промолчал и придержал не то чтобы авторитетное мнение при себе, потому что дальше сконфуженный Торн превратился в обычного Торна! Он отвешивал емкие комментарии каждой из красивых образованных девушек, за которыми очередь из женихов, должно быть, строилась от королевского дворца и до часовой башни. Претензии по большей части адресовались родственникам невест.

— Чем вам не угодила Элизбет Сайт? — осознавая, что продул лакею десять крон, неожиданно даже для себя взвыл секретарь.

— Дар как у прачки, и мамаша невыносима. — Торн взял новую карточку и прочел на обороте: — Тереза Вудсток.

С портрета смотрела светловолосая барышня с голубыми глазами. Ничего особенного. Портретист явно поленился ей польстить. Или же попался паршивый мастер, не умеющий создавать представительные миниатюры для ярмарки невест.

— Ох, простите! — испугался Вилсон. — Видимо, сваха положила карточку, чтобы оттенить других кандидатов.

— Помолчите. — Хозяин быстро читал ее анкету.

Секретарь невольно и сам заглянул в бумагу. Двадцать лет, сирота, воспитана родственниками. Летом выпускается из пансиона для девиц из благородных, но разоренных семей, кому не хватало средств на приличное магическое образование. Но по иронии судьбы единственным, что не вызывало сомнений в Терезе Вудсток, был дар.

— Она, — объявил Филипп.

— А?

— Я женюсь на Терезе... Как ее?

— Вудсток.

Маг положил портрет на стол и постучал по нему пальцем, словно вбивая гвозди в холостую жизнь, а заодно и в девичье изображение.

— Свяжитесь с ее родственниками.

Часы на столе подсказали, что выбор безупречной супруги у Торна занял ровно семь минут. Даже чуток осталось времени, чтобы обсудить еще какое-нибудь срочное, но позабытое дельце.

— Но, господин... — пролепетал Вилсон, с ужасом представив завтрашний разговор с мадам Торн. Сам-то хозяин перед ней не появится, отговорится срочными делами и отправит в адское пекло личного помощника. — Девушка воспитывалась тетками. Владеет одним захудалым поместьем в глухой провинции. Из магического образования — курс бытовых заклятий да основы зельеварения. Почему она?

— Не понимаете? — Торн бросил надменный взгляд. — Вилсон, какой женой будет сирота из разоренной семьи?

— Судя по ее образованию, хозяйственной, — с готовностью поделился размышлениями тот и едва не проглотил язык, заметив жалостливый взгляд. Так смотрели на окончательных идиотов или полных кретинов. Ни к тем, ни к другим Вилсон себя не причислял... Как правило.

— Кроткой, послушной и, главное, благодарной по гроб жизни, — заключил Филипп. — Идеальная жена.

Глава 1

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА И ВОЗ РОДСТВЕННИКОВ

«Ни о чем не беспокойся!» — говорили они.
«Свадьба будет скромной!» — увещевали они.
«Соберутся только самые близкие друзья и родственники!» — уговаривали они.

Наврала во всем. Или же в друзьях и родственниках моего будущего мужа Филиппа Торна ходила половина столицы. Оценить толпу мне не позволяла густая фата, но гул голосов за спиной недвусмысленно намекал, что центральный храм трещал по швам.

Перед обручальным обрядом тетушки одарили меня всевозможными советами разной степени мудрости и сомнительной практичности. «Не перечь мужу хотя бы до второго ребенка», «не демонстрируй характер в первые сорок лет брака — в женщине должна оставаться загадка», «соглашайся во всем с мужем, пусть думает, что в доме он самый умный». И мое любимое от Лидии: «Почаще улыбайся — мужчинам нравятся прелестные дурочки».

Замуж она ни разу не ходила, знания черпала из любовных романов и считала себя экспертом. Рукодельничала тоже неплохо. Вот и подсказала бы, как проделать незаметные дырочки в слоях кружева перед лицом. Для обзора и доступа к свежему воздуху. Ни того, ни другого мне категорически не хватало.

Но, по всей видимости, на свадьбе невесте полагалось задыхаться и смотреть в светлое будущее. Коль ни-

чего другого вокруг, а не под ногами, разглядеть было невозможно.

— Возлюбленные дети, Филипп и Тереза, перед лицом бессмертных богов и смертных людей наденьте обручальные браслеты! — покончив с бесконечной проповедью о супружеской верности, scomандовал святой отец, но медленно добавил: — Если у вас есть причины, по которым этот брак невозможен, назовите их сейчас или храните в тайне, пока смерть не разлучит вас.

В храме наступила благоговейная тишина, словно зрители ожидали, что возлюбленные дети начнут, как на духу, каяться в грехах. Дескать, святой брат и уважаемые гости, тут такое дело: невеста во время учебы три раза попадала в участок к стражам за активную жизненную позицию, а жених выбрал ее по портрету от свахи. Безусловно, отказываться от брака ни один из нас не собирался.

Филипп сжал мою руку прохладными, сухими пальцами и надел широкий браслет. Из-под края кружевной завесы, скрывающей лицо до подбородка, я следила, как золотой обруч начал быстро сужаться и неощутимо слился с кожей. От вида поблескивающей полоски на меня напал столбняк. Я действительно вышла замуж!

— Тереза? — с вопросительной интонацией вымолвил Торн, тонко намекнув, что пауза затянулась до неприличия.

В смысле почти вышла замуж. Но тетюшки, поди, решили, что невеста хочет просто выйти из храма, и затаили дыхание. Подозреваю, зал тоже застыл в ожидании, что я полностью передумаю становиться женой красивого богатого мужчины и предпочту умереть опозоренной старой девой в бедности. Зато с библиотекой любовных романов от тетюшки Лидии и десятью миниатюрными драконами. Драконы мне, конечно, очень нравились, но не до такой же степени, право слово!

Опомнившись, я взяла с серебряного подноса широкий мужской браслет. Он легко скользнул на крепкое обнаженное запястье Филиппа и мгновенно сжался.

— Жених, можете поцеловать невесту, — с улыбкой в голосе предложил святой отец.

Тут-то и нахлынуло то самое волнение, которое, по словам Лидии, испытывают абсолютно все нормальные девушки

во время свадебного обряда, а у меня оно застряло на подступах к сознанию. Я нормальная — правда! — просто не выспалась. По-моему, подъем невесты на рассвете надо приравнять к тяжким преступлениям строгим королевским указом.

Муж сделал ко мне уверенный шаг и аккуратно поднял фату. Я уставилась на него широко раскрытыми глазами и забыла, что очень хотела глотнуть свежего воздуха. Филипп Торн по-прежнему был хорош собой, как и те пару раз, что мы виделись после скромной помолвки в моем родном Энтиле.

Впрочем, муж оказался постоянен во всем, не только в привлекательности. На меня тоже смотрел как в прошлые разы. С вежливым интересом. Честно, ничего не имею против, но с похожим интересом при первой встрече он разглядывал Лидию. И дядюшку Рендела. И ветвистые олени рога, тридцать лет висящие над каминной полкой в нашем скромном доме...

Филипп легонько сжал мой подбородок и заставил приподнять голову. Мысли о рогах моментально из головы выветрились, сердце заколотилось, а дыхание перехватило. В глазах чуточку смешалось то ли от нехватки воздуха, то ли от волнения. Я приготовилась нырнуть в наш первый поцелуй!

— Леди Торн?

— Здравствуйте, — выдохнула я остатки кислорода. Хорошо, не хватило на «давно не виделись». Прозвучало бы еще глупее.

В льдисто-голубых глазах новоприобретенного мужа мелькнула тень улыбки.

— Вы восхитительно выглядите.

Он медленно склонился и... прижался мягкими губами к моему лбу.

По храму сначала пробежала судорога восхищенных вздохов, а потом этим целомудренным касанием мы сорвали аплодисменты зрительного зала. Я-то наивно полагала, что страстные лобзания молодоженов — единственное в брачном обряде, ради чего стоило выслушивать напутственную проповедь храмовника. Какие неприязательные до поцелуев люди! Похоже, кроме невесты, больше никто не испытал разочарования.

— Идемте. — Филипп протянул раскрытую ладонь, предлагая взять его за руку. Из-под рукава выглянул край обручального браслета. — Нас ждут.

Сверху, словно из стеклянного купола, грянула органная музыка. Под торжественные раскаты мы повернулись к гостям. От невинного мужниного поцелуя горел лоб, словно в нем светилась звезда. Ей-богу, лучше бы пекло губы!

Как я, прячась под фатой, и подозревала, на венчальный обряд Филиппа Торна съехалось столько аристократов, сколько, поди, не собиралось на летние драконьи гонки. Если вдруг они прямо в храме передерутся за возможность попасть на банкет в королевской оранжерее, то нашу свадьбу точно запомнят надолго. В Энтиле, дядюшка Рендел не даст соврать, каждый людный праздник обязательно заканчивается коллективным мордобоем.

Дядюшка, к слову, стоял в первом ряду, опираясь на трость. Невысокий и коренастый, одетый в щегольской камзол, заказанный у столичного портного. Аккуратно зачесанные волосы ловко скрывали круглую проплешину.

Рядом с ним, прижимая ладонь к пышной груди, расстроганно вздыхала тетушка Клементина. Лидию нахальные зрители оттеснили в толпу. Я опознала ее по темноволосой макушке, выглядывающей из-за плеча какого-то незнакомца типа с обширными телесами.

Торны, как и положено по старой традиции, многочисленным кланом занимали лучшие места с правой стороны от венчального алтаря. Лично я была знакома только с Марджерии, двоюродной теткой Филиппа. Она единственная из родственников, сохраняющих кислые мины истинных аристократов, изображала сдержанную улыбку.

Внешне мадам была приятной, но отчаянно напоминала мне лимонный сорбет. В смысле она не наряжалась в бледно-желтый колер, да и вообще избегала плебейского желтого цвета в одежде, но так щедро раздавала советы по любым поводам, что неизменно вызывала изжогу. Потом ни одним снадобьем не погасишь.

Вступи такая чрезвычайно энергичная дама в наш Женский клуб по защите магических тварей в дикой природе, мы сразу добьемся, чтобы болотных драконов внесли в книгу исчезающих видов. Но я не имею права обречь

подруг на Марджери Торн. Святые заступники не дадут соврать, они не сделали мне ничего плохого!

Позволив гостям полюбоваться на растерянную невесту, у которой, как назло, соскальзывала на затылок тяжелая фата, Филипп увлек меня в длинный проход. Величественные двери храма начали медленно раскрываться. С морозной улицы в венчальный зал ворвался поток ледяного зимнего воздуха и взлохматил лепестки, устилавшие путь к алтарю. Между дверными створками расширилась яркая полоса дневного света, словно действительно открывая ворота в светлое будущее.

Часы до отъезда в свадебное путешествие прошли как в тумане. Я не запомнила никого, кто в королевской оранжерее подходил к нам с Филиппом с поздравлениями. Он держал в руках бокал с игристым вином и отвечал гостям с небрежной надменностью. Мне оставалось улыбаться и украдкой поглядывать на круглые столы, за которыми аристократы набирались дорогим хмелем в честь молодоженов. Очень хотелось булку с корицей, а не вот это все.

— Тереза? — Филипп сжал мой локоть, заставив оторваться от тоскливого созерцания высокой этажерки с маленькими бутербродами. — Нам пора прощаться с гостями и уезжать.

Подождите! Мы же только поздоровались со всеми. Теперь что, по новому кругу? Да мы так до старости из этой оранжереи не выберемся! Если не умрем голодной смертью.

— А поесть невесте и не дали, — едва слышно буркнула я себе под нос, но у мужа оказался на удивление острый слух.

— Что?

Я подняла голову и наткнулась на внимательный взгляд. Впервые с момента знакомства Филипп смотрел на меня не как на пыльные олени рога, а как... на живого оленя с этими рогами.

— Что? — повторила за ним с улыбкой той самой прелестной дурочки, о которой говорила Лидия.

Придурковато улыбаться у меня всегда получалось. Хорошо помогало, когда приходилось торговаться на рынке

или объясняться с придирчивым преподавателем по бытовым закланиям в пансионе. С городской стражей опять-таки прекрасно срабатывало. Но не всегда...

— Вы голодны? — мягко спросил он.

Дождалась! Неужели первый человеческий вопрос за сегодняшний день?

— Очень, — с чувством призналась я.

— Поужинаем на борту дракона.

— А что нам мешает здесь поесть? — вырвалось у меня.

— Время.

Зачем только про еду спросил? Мысленно я почти переварила десяток тарталеток с мягким сыром и заела их тончайшими листиками ферзайской ветчины.

— Дракон не успеет в теплые края? — любезно уточнила я.

Да помню — помню! — как тетушка Клементина советовала до самой старости, пока зубы не выпадут, прикусывать язык. Потом просто прикусывать станет нечем, и можно будет шамкать в лицо муженьку правду-матку. Но от голода во мне всегда просыпалась жуткая ворчунья. Клянусь, самой с собой тяжело уживаться!

Губы Филиппа дернулись, словно он пытался сдержать смех.

— Не знаю, что насчет дракона, — совершенно серьезным тоном ответил он, — но будет лучше, если к ночи мы окажемся на месте.

Острая мысль прошла как иголкой. Конечно же! Сегодня нас ждала первая брачная ночь. Я не забыла. Да и как об этом забыть? Просто старалась не думать о том, что идет в довесок к свадьбе.

Как любая прогрессивная девушка с образованием, я знала, из чего состоит мужчина. В смысле, когда на нем не было никакой одежды. По анатомическим атласам. Да и о том, что происходит в супружеской спальне, имела представление. В пансионе от девчонок чего только не слушаешься! Но ведь эта особенная ночь произойдет со мной, а не с соседкой по комнате...

Никогда не считала себя трусихой, однако в животе вдруг завязался крепкий узел. С другой стороны, голод сразу же прошел.

— Тогда пора переодеваться, — пробормотала я и, оглядев украшенный лентами и огоньками зал, кивнула бдящей тетушке Клементине, дескать, нужно собираться в дорогу.

В просторной дамской комнате, уставленной вазами с живыми цветами, суетились две молоденькие горничные. Одна раскладывала на зеркальном столике расчески и благовонные косметические эликсиры для волос. Вторая девушка оглаживала щеткой дорожный костюм, надетый на портняжный манекен. Второй манекен был наряжен в голубой плащ с меховой опушкой.

От мысли, что на новый гардероб пришлось потратить четверть родительского наследства, у меня до сих пор дергалось веко. То правое, то левое. Деньги много лет хранились на счете в королевском монетном дворе на черный день. Может, это какой-то намек Вселенной, что часть этих сбережений пошла на подготовку к замужеству? А я его и не распознала.

— Идите, — отослала горничных тетушка Клементина.

Товарки испуганно переглянулись. Марджери умела навести ужас на белошвеек, доставщиков и всех слуг.

— Но мадам Торн сказала...

— Присылайте эту вашу мадам к нам! — отрезала тетушка.

— Девушки, нас тут трое. Мы справимся, — уверила я и несколько ошалела от того, как те присели в вежливом книксене и безропотно потянулись к выходу. — Благодарю за помощь.

На краю зеркального столика лежал сверток из цветной бумаги, перевязанный красной лентой. Под нее был засунут нарядный конверт с нарисованными от руки цветами.

— Кто это передал?

— Твои бандитки после венчания подходили, — проворчала Клементина. — Придумали тоже: общество по защите диких тварей.

— Магических, — невольно улыбаясь, поправила я.

Повидаться с подругами перед свадьбой не удалось, но было приятно знать, что они действительно приходили в храм.

— Посмотрите, какая довольная! Связалась с дурной компанией и радуется, — фыркнула тетушка. — Ты вышла

замуж за уважаемого человека, Тереза. Аристократа, мага в третьем поколении...

— Шестом, — вставила Лидия.

Для нее вопрос родословной был шепетилен. В книгах меньше чем восьмое поколение магов не писали, но она все равно посчитала, что мой муж тянет на главного героя.

— В шестом! — со значением повторила Клементина. — Не смей позорить его фамилию, как позорила фамилию отца.

Пока тетушка сердито вытаскивала припрятанный за диваном маленький дорожный сундучок, я вскрыла конверт. На бархатистой карточке Эвита, бессменная глава нашего клуба, написала знакомым размашистым почерком: «Дорогая Тесса, мы с девушками за тебя искренне рады. Счастья в семейной жизни!»

Под праздничной упаковкой прятался пухлый томик в более чем неприятельной обложке с названием «Приручение домашних драконов». Видимо, в моем лице отразилось такой силы недоумение, что Лидия не удержалась:

— Что за книга?

Она заглянула мне через плечо.

— Видимо, полезная в хозяйстве, — протянула я и наугад открыла томик на середине.

На картинке красовалась совершенно, абсолютно, просто обворожительно обнаженная пара, слившаяся в тесных объятиях. Оказалось, что под фальшивой обложкой, призванной облапошить окружающих, прятались «Сто фактов о мужчинах и их особенностях».

— Ты права, — восхищенно охнула Лидия, — очень полезная в семейной жизни книга.

— И эта туда же! — проворчала тетушка. — Тереза, возьми булку. С рассвета крошки во рту не было. Эти аристократы сначала голодом мучают, а потом ругаются, что похожа на немощую хмарь.

— Меня назвали немощей хмарью? — встрепенулась я, готовая мысленно составлять черный список людей, обругавших невесту на свадьбе.

— Попробовали бы они! — презрительно фыркнула тетушка и вручила сдобную булочку, завернутую в льняную салфетку.

Жевать и избавляться от свадебного наряда одновременно оказалось сложновато. Я отложила еду, о которой весь день мечтала, и мысленно порадовалась. Те самые узлы, что стянулись в желудке при мысли о первой брачной ночи, вызывали тошноту даже при виде румяной булочки. Поверьте, ни одна тарталетка с мягким сыром тоже не прижилась бы.

Без фаты голова показалось очень легкой, а без жесткого корсета, не позволяющего ни вздохнуть, ни ссутулиться, в легкие начал нормально поступать воздух. Не представляю, как модницы ежедневно носят это орудие женских пыток.

От природы я была кудрявая, и утром пряди выпрямили с помощью специальных лосьонов. Чтобы потом завить в локоны. Не очень-то логично, но спорить с «выдающимся», по словам мадам Торн, мастером причесок я постеснялась. Расчесать жесткие волосы оказалось невозможно, так что пришлось просто стянуть на затылке опрятным узлом. Опрятным он был только в моем представлении, безусловно.

— А где теплые ботинки? — озадачилась тетушка, когда подошло время одевания, и вопросительно посмотрела на Лидию.

Та перестала разглядывать картинки в «полезной в домашнем хозяйстве» книге и пожала плечами:

— В горах.

— Что они там делают?

— Уехали вчера вместе с остальным багажом, — доходчиво объяснила Лидия. — Надо было оставить?

У тетушки грозно затряслись длинные тяжелые серьги, а по увядающей от возраста шее пошли красные пятна.

— Не ругайтесь! — примирительно вклинилась я. — Просто поеду в туфлях.

— Да ты до смерти простудишься! — охнула она.

— Переплюнь.

Ей-богу, у меня не было никакого морального права спустить четверть наследства на дорожные шмотки во имя счастливой семейной жизни, а остальную часть — на собственные похороны. Мысль о бездарной растрате родительских денег не даст упокоиться с миром!

— У меня есть теплые чулки, — радостно вспомнила Лидия и с торжествующей миной вытащила из ридикюля чулки в черную и синюю полоску. — Взяла на всякий случай. Смотрите, как удачно!

— Лучше сразу лягу в гроб, — сухо отозвалась я.

— Они же чистые, — не поняла она.

— И полосатые.

— Зато к плащу подходят! — поддержала Клементина.

— Как я в этих чулках перед мужем разденусь? — возмутилась я.

— А зачем тебе перед ним скидывать одежду?

— Тетушка, ты больше тридцати лет замужем. Неужели я должна говорить об этом вслух? Догадайся!

— Да кто ж перед супругом обнажается, дурочка? — всплеснула она руками и немедленно поделилась опытом, нажитым в браке с дядькой Ренделом: — Переоденешься в будуаре и уже выйдешь красивая.

— А так можно? — усомнилась я.

В романах Лидии все происходило по-другому. Герой страстно сдирал с молодой жены одежды, но обязательно оставлял шелковые чулки. Дались им эти чулки! Может, у мужчин какой-то фетиш именно на эту часть женского туалета?

— Так нужно! Не капризничай и надевай. — Тетушка выхватила чулки из рук Лидии и сунула мне. — Не заставляй больную тетку нервничать, а мужа ждать. К ожиданию мужчин надо приучать постепенно, а не сразу после венчания.

То-то дядька с кислым видом по часу сидит в гостиной, пока она собирается, а потом костерит нерасторопное «женское племя».

Едва я облачилась в дорожный костюм и кое-как втиснула ноги в туфли, дверь широко раскрылась. Вместе с гулом голосов в дамскую комнату вихрем ворвалась Марджерри.

— Горничные сказали, что вы их выставили!

Резким движением я одернула подол, чтобы — не дай бог! — она не заметила полосатые чулки и не скривилась.

— Мы уже закончили, — заявила Клементина.

Двоюродную тетку Филиппа она невзлюбила с первого взгляда. Выхоленная аристократка средних лет, искренне полагающая, что молоко дают не коровы, а хрустальные

графины, мгновенно вызвала в ней изжогу. А когда уж Марджери спросила, зачем дядька Рендел привесил над камином свои рога, стало ясно, что дружбы между будущими родственницами принципиально не случится.

— Моя дорогая, ты прекрасно выглядишь! Говорила же, что этот цвет подчеркнет глаза, а то ты совсем невзрачная, — в своем стиле отвесила она комплимент, от которого хотелось или самой удавиться, или удавить мадам.

— У нашей Терезы прекрасные голубые глаза, — немедленно вставила Клементина.

Глаза у меня были самые обычные, но дурнушкой я себя никогда не считала. Впервые услышала критику в адрес внешности, когда мадам при знакомстве заявила, дескать, я действительно похожа на свой портрет.

Не зная, к чему придраться, если невестка уже полностью готова к отъезду и даже выглядит прилично, Марджери осмотрелась вокруг, заметила на зеркальном столике разложенную салфетку с булочкой и с наслаждением скривилась. Понятия не имею, чем ей не угодили булки.

— Дорогая, ты уже летала на драконе?

— Нет, мадам Торн.

— Тогда не стоит наедаться перед полетом. Вдруг тебя укачивает в воздухе.

— Марджери, не переживайте за мою племянницу, о ней есть кому позаботиться, — пошла в наступление тетушка Клементина и припечатала: — Мы летим в Эрминские горы все вместе.

На секунду у мадам вытянулось ухоженное лицо, но она быстро справилась с дурной новостью и расцвела улыбкой. Очень неприятной, фальшивой улыбкой.

— Хотите сказать, вы и ваша сестра, — она кивнула в сторону Лидии, — отправляетесь на курорт?

— И господин Вудсток, — с мстительным удовольствием добавила тетушка.

— Филипп охотно поддержал их поездку, — слегка приврала я.

— И полностью оплатил! — с торжеством добавила Клементина.

О свадебном путешествии на зимний курорт в Эрминские горы Филипп объявил своеобразно. В начале октября прислал немногословное письмо о поездке и предложил выбрать личную горничную. По портретным карточкам и анкетам.

— Зачем тебе нанимать чужого человека? — заворчала тетушка Клементина, презрительно разглядывающая один из портретов. — Лучше возьми Лидию. Она не сворует драгоценности.

Мы обе знали, что из драгоценностей у меня имелись лишь мамины сережки и папины рубиновые запонки — воровать вообще нечего, но на Лидию мы все равно посмотрели оценивающе. Не обращая на нас внимания, та вдохновенно перечитывала любимый роман и мыслями явно находилась далеко от гостинной.

— С тобой поеду я! — решительно заявила Клементина.

— И оставишь дядюшку без присмотра?

Теперь мы синхронно повернулись к Ренделу. Уронив голову на грудь, он похрапывал в кресле перед зажженным камином. Совсем скоро этот храп грозился перерасти в медвежий рев и загнать в кухню всех слышащих в этом доме.

— Нет, оставлять его нельзя, — покачала Клементина седеющей головой. — Сбежит на охоту, потом месяц будем по лесам искать. Притащит еще одни рога — клянись! — я его на эти рога насажу! Придется прихватить Рендела с собой.

— Тогда Лидия обидится и уйдет из дома.

— Может, уже замуж выйдет? — тихо проворчала тетушка. — К ней сватался хозяин скобяной лавки. Такая выгодная партия! У нас бы до старости не было проблем со шпингалетами.

— Он женился пять лет назад, — поморщившись, напомнила я. — Скорее всего, она просто выйдет и оставит нараспашку входную дверь.

— А я всегда хотела побывать в Эрминских горах, — неожиданно прозвучал голос Лидии. Оказалось, что она мечтательно смотрела в стену, затянутую синей тканью. — Говорят, там потрясающие виды. И воздух кристально чистый.

— Ты нас слушала? — осторожно спросила я.

— Но я ведь не глухая, — отозвалась она и снова углубилась в чтение.

На следующий день я отправила Филиппу письмо о том, что вместо компаньонки хочу взять в путешествие родных. Всех троих скопом. И он согласился!

Ну как согласился... В своей обычной манере, то есть чрезвычайно коротко, ответил: «Превосходная идея», — и без лишних намеков оплатил им двухнедельное проживание. Никогда не заподозрила бы в нем внимательное отношение к семье будущей супруги.

Между тем в дамской комнате королевской оранжереи росло напряжение. Пока новоиспеченные родственницы не вошли в азарт и не вцепились друг другу в волосы, я выпалила на одном дыхании:

— Дамы, нам пора выдвигаться!

Не представляю высокомерную мадам Торн, выдирающую кому-то лохмы, но жизнь всегда богаче, чем мы все о ней думаем.

Прощаться с каждым гостем отдельно не пришлось. Оказалось, что не только в добродушном Энтиле всей толпой провожали молодоженов: кричали пожелания, а под ноги бросали монетки. Столичные аристократы тоже не побрезговали старой традицией и, несмотря на холод, высыпали из дверей оранжереи. Правда, без воплей и скабрёзных шуток.

Под широкой лестницей нас дождался дорогой экипаж с замысловатым гербом на дверце. Следом, нахально портя величавый вид полысевшего к зиме городского дендрария, пристроился простецкий наемный кеб для моих родных. За ожидание вознице доплатили отдельно, так что ради щедрых клиентов он подкатил прямоком к входу.

Филипп, одетый в фасонистое пальто, помог мне забраться в свой экипаж, дал последние быстрые наставления секретарю Вилсону, опрятному, но очень нервному молодому мужчине. Сухо попрощался с Марджерии, закутанной в меховое манто, и обратился к Ренделу:

— Господин Вудсток, по возвращении мы с Терезой непременно нанесем визит.

— Обязательно нанесите! — Тетушка Клементина не дала дядьке открыть рот. — Непременно! Всегда рады. Вы езжайте, господин Торн, а мы сразу за вами.

Наконец Филипп уселся напротив меня, и показалось, что в просторном салоне резко закончилось свободное место. Слуги закрыли дверцу, экипаж тронулся. Звонко застучали по обледенелой брусчатке лошадиные копыта.

На улице дозревал короткий зимний день. Холодное солнце блестящим диском скатывалось за припорошенные снегом черепичные крыши. Из каминных труб к полупрозрачному небу уходили мягкие клубы густого дыма. Обогревающие артефакты могли позволить себе не все, так что грели дома дровами и углем.

— Ваша семья не захотела остаться на банкет? — прервал Филипп молчание.

— Они едут с нами.

— Решили проводить вас до воздушного порта?

Тут я по-настоящему напряглась и с подозрением посмотрела на мужа. Он ответил вопросительным взглядом.

— Они едут с нами в Эрминские горы, — напомнила я.

— Простите, куда? — переспросил Филипп, словно не расслышал или же не верил своим ушам и хотел бы еще уши Вилсона, чтобы тот подтвердил: никакой ошибки нет.

— В Эрминские горы, — терпеливо повторила я.

— В наше свадебное путешествие? — уточнил он, и в мягком голосе прозвучало подозрение, будто его разыгрывают. — Ваши родственники?

— Вы же согласились, — заволновалась я. — Назвали идею взять их с собой вместо горничной превосходной.

— Всех троих?

В салоне повисла нервирующая пауза. Нервировала она исключительно меня. Филипп, похоже, переваривал новость, что супружеским отдых будет только отчасти.

Мужчина в неполные тридцать лет может страдать провалами в памяти? Я внимательно пригляделась к мужу, стараясь отыскать в привлекательном лице с аристократическим носом признаки раннего старческого маразма. Признаков не находилось. Стальные глаза смотрели ясно.

— Господин Торн...

— Филипп, — поправил тот.

— Простите?

— Мы теперь женаты, Тереза, — напомнил он, словно присутствовал на венчании в одиночку, а меня оповестить о знаменательном событии забыли. — Называть мужа по имени более чем уместно.

Значит, уместно? Святые заступники, меня как будто снова макнули в хорошие манеры на уроках этикета!

Тут я поняла, что пришло время прелестной дурочки. Иначе заговорю, и тетушки с дядюшкой дружно помашут мне рукой, глядя на улетающего в сторону горизонта дракона.

— Филипп...

От милой улыбки свело челюсть. Он заинтересованно вскинул левую бровь. Поверить не могу, что мужчины действительно велись на кокетливые ужимки, а мой предствительный супруг ничем от остальных, менее впечатляющих, не отличался!

— Да, дорогая супруга?

Боже! Не дай ни одной резкости вылететь из моего рта. Спасибо! В смысле аминь.

— Ничего не отыграть обратно. Вы уже заплатили за их проживание.

— Неужели? — хмыкнул он.

— Полностью! За всех троих на две недели. — Я набрала в грудь побольше воздуха и проговорила на одном дыхании: — Клянусь, они очень деликатные люди и не доставят никаких хлопот!

Воздух, к сожалению, закончился. Не быть мне нырлящицей за жемчугом.

Филипп определенно ждал продолжения. Разочаровать его не стала и приложила все красноречие, чтобы казаться убедительной:

— Тетушка с дядюшкой очень любят свежий воздух и красивые виды. Все время будут гулять. В горах. А Лидия читает! Чтение — тихое и непритязательное занятие. Да вы с ней ни разу за две недели не встретитесь.

— У меня только один вопрос, — вымолвил он, снимая с рукава пальто невидимую ворсинку.

— Какой?

— Кто будет сопровождать вас, когда меня не окажется рядом?

— Лидия может читать на ходу! — ляпнула я. — Прекрасная компания.

— И безмолвная, — в его тоне просквозила ирония.

— Знаете, я люблю провести время в уютном молчании, — соврала как на духу и даже не покраснела. Вернее, покраснела, но раньше. От духоты. — Так что скажете, Филипп? Они могут поехать с нами?

— Но ведь я уже оплатил их проживание.

Я выдохнула от облечения и поблагодарила:

— Спасибо!

Не ответив, он скрестил руки на груди и отвернулся к окну. Может, вспоминал, в какой момент согласился на всех моих родственников? И вроде договорились, а на душе все равно беспокоино.

— Вы злитесь? — осторожно спросила я, хотя прекрасно знала, что не стоило задавать спорные вопросы, чтобы случайно не получить ответы, которые очень не понравятся.

— Вовсе нет. — Филипп бросил на меня нечитаемый взгляд. — Но личного помощника мне, похоже, пора поменять.

Грядущую отставку Вилсона я никак не прокомментировала и остаток дороги энергично доказывала, что действительно люблю проводить время в молчании. Уютного в нем, правда, ничего не было, по крайней мере, для меня. Больше всего это молчание напоминало длинную натужную паузу, а в нашем случае — почти бесконечную. Одну из тех, что возникают в беседе с плохо знакомым человеком, и приходится лихорадочно придумывать тему для разговора, чтобы как-то скрасить неловкость.

Филиппа, правда, ничего не угнетало. Он о чем-то размышлял. Никак мысленно составлял категоричное письмо с требованием к секретарю собирать вещи.

Через некоторое время за окном появился воздушный порт. Пять мощных взлетных башен стояли вокруг главного здания и были соединены с ним каменными мостами, протянутыми высоко над землей. Над раскрытыми воротами порта светился королевский герб. Въездная площадь походила на муравейник: стояли экипажи, сновали люди и докеры — разнорабочие порта, носильщики толкали тележки с багажом.

На верхушке одной из башен, куда по мосту торопились пассажиры, сидел величественный монстр. Я посчитала, что любопытство вполне вписывается в образ милой дурочки, и с интересом прильнула к оконцу. Дракон дремал. В лучах заходящего солнца на гладком сером теле с костяными наростами по хребту поблескивала крупная магическая сеть.

— Вы летали раньше? — вдруг спросил Филипп.

— Не приходилось, — замороженная зрелищем, показала я головой.

— Кабины прицеплены к дракону мощными заклятиями, — вдруг принялся он рассказывать о тонкостях драконьих перевозок. — Управляет животным профессиональный маг. В нашей семье служит один из лучших погонщиков королевства, вам не о чем беспокоиться. Я лично нанимал его на службу.

Спору нет: под руководством лучшего погонщика королевства вмазаться в Сумрачный пик Эрминских гор не так страшно, как с каким-нибудь бытовым магом, по ошибке забредшим в кабину из хозяйственной подсобки.

Минув общественный порт, экипаж остановился напротив каменной башни со святащимся гербом Торнов на стене. Дожидавшийся полета дракон щурил огромные глаза-блюдца. Длинный шипастый хвост словно пытался обхватить башню кольцом.

У открытых ворот нас встречали две улыбчивые проводницы и тот самый отрекомендованный погонщик, коренастый усатый мужчина средних лет. Пока мы с Филиппом здоровались и принимали поздравления, мое притихшее семейство, демонстрируя удивительную сплоченность, тарасилось на огромного монстра, оседлавшего башню. Судя по траурному молчанию, им не доставало позитивной лекции о безопасности драконьих перевозок.

Когда мы поднимались по лестнице, тетюшка подхватила меня под локоть и зашептала:

— Если что, в пирину на моей кровати защиты сто крон.

— Зачем ты мне это говоришь? — не поняла я.

— Вдруг мы не долетим.

— Полагаешь, в этом случае мне повезет больше всех? — проворчала я, заражаясь ее нервозностью. Не зря говорят, что паника и зевание — вещи коллективные. — Не бойся, Филипп сказал, что у него служит лучший погонщик королевства. Он лично его нанял.

— Ну раз лично, то, безусловно, бояться нечего... — пробормотала она.

— Ты же путешествовала на драконе, — напомнила я.

После каждой ссоры с Ренделом она непременно припоминала ему путешествие на Освейское озеро, до которого им не удалось добраться. В воздушном порту дядька перепутал мосты, они сели не на того дракона и через три часа оказались в северных землях. На следующий день вернулись в Энтил, потратив на обратный перелет отложенные на отдых кроны.

— Да, но Лидия ни разу никуда не летала, — буркнула она. — Смотри, какая испуганная.

Невольно я оглянулась через плечо, проверяя младшую тетюшку. Та шла с равнодушным видом, не проявляя ни капли беспокойства.

— Да, — с иронией отозвалась я. — Она точно в ужасе.

Спокойнее ее был разве что Филипп. И Рендел. Не помню, чтобы дядюшка так резво поднимался по ступенькам. Он словно очень торопился усесться в крайне опасный драконий дилижанс, оторваться от земли и провалиться в какую-нибудь глубокую пропасть, чтобы раз и навсегда покончить с надоевшим браком, в котором ему только один раз позволили уйти на охоту.

Через открытые двери мы вошли в кабину, похожую на шикарный салон с удобными глубокими креслами, широким диваном и столиком из красного дерева. На окнах висели портьеры дорожке, чем в нашей гостиной. На полу лежал шерстяной ковер.

— Какое счастье, что ты вышла замуж за этого замечательного человека, — прошептала тетюшка.

Дорогой интерьер драконьего дилижанса явно делал Филиппа замечательнее, чем он был, прихватив в медовый месяц всех моих родственников. С легкой руки почти разжалованного секретаря. Даже обидно за Вилсона. Хороший же парень, на редкость исполнительный и услуж-

ливый. Видать, велели, чтобы невесте ни в чем не отказывал, вот он и не перечил хозяйскому слову.

К счастью, на бормотание Клементины никто не обратил внимания. Мы расселись. Дверь закрыли на засов. Через некоторое время над головой прозвучало громкое змеиное шипение, донесся мягкий шелест, словно дракон расправлял крылья. Кабина задрожала и наконец оторвалась от земной тверди. Огромный тяжелый монстр взлетел с легкостью птицы.

С любопытством я посмотрела в окошко. Башни воздушного порта, засыпанная снегом земля, остроугольные крыши домов, извилистые ленты дорог и экипажи на них начали отдаляться, словно становясь совсем игрушечными.

Неожиданно нас тряхнуло. Кресло словно ухнуло подо мной вниз, а все внутренности подпрыгнули. Я схватила Филиппа за руку, спокойно лежащую на соседнем подлокотнике.

— Не бойтесь, — мягко вымолвил он, — просто воздушная яма.

А такие тоже бывают?!

— Помогите, святые заступники, чтобы моя девочка не стала сиротой второй раз, — неожиданно во весь голос помолилась тетюшка, выказывая совершенно нехарактерную набожность.

— И вдовой, — для чего-то добавила Лидия.

— А за нас с Терезой кто-нибудь помолится? — тихо-нечко спросил Рендел.

Филипп выразительно кашлянул. Я немедленно отпустила его руку и повернулась к окну, стараясь слиться с мягкой бежевой спинкой кресла. На том мы и отправились в медовый месяц.

Глава 2

ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ

Эрминские горы встретили нас низким небом и предчувствием скорой снежной сумятицы. Тяжелое облако, скрывающее знаменитый Сумрачный пик, тянулось до самого горизонта, нависало над маленьким, всего в две башни, портом и приглушало чистый белый колер зимнего покрова.

В сероватом воздухе горные пейзажи и снежные склоны особенно потрясающими не выглядели: такие же унылые, как окрестности Энтила или Айрока, где я училась. А уж провинциальная-то зима на редкость безотраднa и меланхолична! Недолгая разноцветная вспышка веселья случалась только один раз, на Новый год.

У ворот нас уже дожидались два экипажа на широких полозьях вместо колес. Один маленький, похожий на расписную шкатулку. Второй побольше, пусть не такой яркий, без цветов и птиц, но в нем точно никто не упрется в противоположную стенку коленями.

Выходило неловко. В двухместной карете ни трое не поместятся, ни мы с Филиппом. У него длинные ноги и распухшее чувство собственной значимости. Такое разве что в просторный экипаж влезет, но тот остался в столице, а аристократическое высокомерие муж привез с собой, как ручную кладь.

Тетушка начала что-то подозревать, еще когда спускалась по лестнице во взлетной башне, и внимательно поглядывала на улицу сквозь окошки. Не успели мы выйти

на морозный воздух, в котором ощущалось приближение снегопада, как она с деловитым видом нырнула в карету побольше, уселась и расправила юбки. Следом забрались остальные, а дядюшка выразительно пристроил на колени дорожный сундучок.

Всем видом дорогие родственники демонстрировали, что из теплого салона их не выкуришь ни укоряющими взглядами, ни тонкими намеками. Впрочем, как и прямой просьбой поменять транспортное средство.

— Господин Торн, — обратился к Филиппу сопровождающий, присланный из гостевого дома, — придется ехать без остановок. Жаль, что ваша супруга не полюбуется на горы со смотровых площадок, но мы можем попасть в снег. Подниматься по серпантину в снегопад — последнее дело.

— Полагаю, моя супруга успеет насмотреться на горы, — сухо отозвался Филипп.

Супруга, скажем откровенно, не считала себя безмолвной табуреткой и очень не любила, когда о ней говорили в третьем лице, но промолчала, как — демоны дери! — та самая табуретка.

Во время полета я из принципа дождалась обещанную еду, без аппетита погоняла по салатным листьям крошечный помидор и уснула как младенец под мерный шелест драконьих крыльев. Проснулась только после прилета и не настолько пришла в себя, чтобы искренне возмущаться пренебрежением мной как личностью думающей. Не сейчас, а вообще думающей.

Однако когда мы уселись в тесный кузовок в лучших традициях городских омнибусов, где обязательно попадался напыщенный индюк, я попыталась отдавить Филиппу ногу. В воспитательных, так сказать, целях. И не дотянулась! Только громко стукнула каблуком.

— Вы замерзли? — вежливо уточнил Филипп.

— Нет, все чудесно.

Я продемонстрировала улыбку прелестной дурочки и тут же ощутила, как с пола начала подниматься теплая волна. Пришлось топнуть еще разок. Воздух стал горячее. Похоже, постукивание прибавляло в салоне температуру.

— Если вам жарко, то постучите по стенке. — Костяшкой пальца Торн тихо постучал по стенке коробка. — Вот так.

Теплый поток мгновенно иссяк. Пол перестал греть и начал стремительно остывать. Ноги в туфлях очень быстро озябли, даже хваленые шерстяные чулки не помогли. С независимым видом я пару раз топнула. Через пять минут запарилась. Не выдержала и снова постучала по стенке, но температура никак не желала налаживаться. Или задыхайся от жары, или коченей от холода.

Подозреваю, что Филипп решил, будто супруга, приехавшая из дикой провинции, никогда не сталкивалась с благами магической цивилизации и просто от любопытства развлекается. Не леди, а бодрая барабанщица!

— Остановитесь, — сдержанно попросил он прекратить безобразие и в два притопа совершил чудо.

В салоне заструилось приятное, не обязывающее раздеваться тепло, и пол не прожигал подошвы насквозь.

— Спасибо, — пробормотала я и попыталась посмотреть в оконце: едет ли за нами карета с моими родными.

— Они едут, — отозвался Филипп.

— Хорошо, — пробормотала я и поспешно добавила: — Вы очень любезны.

Пусть не думает, что взял в жены неблагодарную сволочь.

Спустя десять минут и два поворота снова сделалось беспокойно. Я поерзала на сиденье и хотела украдкой выглянуть в окошко. Украдкой не получалось, только шею едва не свернула. Оконце было выше моей макушки.

— Посмотрите, пожалуйста, — проблеяла я. — Карета все еще следует за нами?

К чести Филиппа, он действительно проверил:

— Она по-прежнему с нами.

За окном перестали мелькать опрятные домики маленького городка, уютно прижившегося у подножия склона. Потянулась зимняя пустошь, практически окунувшаяся в новорожденный сумрак. Закружились первые крупные хлопья снега, пока еще редкие.

— И теперь?

— Да, — глянув в оконце, ответил он.

Через один поворот и скальный уступ я прошелестела:
— Филипп, мне действительно неловко вас отвлекать от важных мыслей, но... вы не проверите?

— Они с нами.

Видимо, он имел в виду, что незримо, потому как не потрудился удостовериться в наличии второй кареты зорким взглядом в окно.

— Вы это почувствовали внутренним чутьем, господин маг? — сухо уточнила я. — Вы даже не посмотрели.

Удивительно, но он все-таки повернулся и вдруг протянул подозрительное:

— Кхм...

— Что? — напряглась я.

— Их нет.

— Как нет?!

Я вывернулась и, прилично толкнув его локтем (по-моему, в челюсть или куда-то еще, но точно не в аристократический нос), встала коленями на сиденье. В просвете заснеженного оконца была видна длинная белая лента дороги и следы от полозьев кареты, уже припорошенные свежим снегом.

— Куда они делись? — встревоженно пробормотала я.

— Они отстали. Мы встретимся с вашими родными в гостевом доме. Сядьте, Тереза, — проговорил он, словно пытался вразумить ребенка.

— Филипп, давай встретимся с ними прямо здесь, — потребовала я, но на сиденье вернулась и одернула юбку. — Если они не приедут к ночи в гостевой дом, я до утра не найду себе места от беспокойства.

Мы встретились глазами. Видимо, намек, что от моего беспокойства ему тоже не найдется места, Филипп очень тонко расслышал. Люблю догадливых мужчин.

— Хорошо.

Не опускаясь до показательного ворчания под нос, он отодвинул заслонку между салоном и кучером. На сдержанную просьбу притормозить сопровождающий, сидящий на козлах, неожиданно взбунтовался:

— Но, господин Торн, начинает выюжить! Полозья увязнут. Лошади не сдюжат!

— Ждем, — перебил его Филипп тоном человека, привыкшего, что его приказы слышат и исполняют если

не с первого звука, то точно с первого раза. Столько в его мягком голосе прозвучало властности, что даже у меня побежали мурашки.

Второй экипаж никак не появлялся. Филипп приказал возвращаться. По иронии, развернуться удалось только на широкой смотровой площадке, откуда, должно быть, действительно открывался красивый вид на горы.

Через некоторое время наш кузовок остановился. Снаружи донеслись голоса.

— Какое счастье, что вы вернулись! — громко жаловалась Клементина. — У нас тут все сломалось.

— Оставайтесь в карете, — приказал Филипп и выбрался наружу.

Дверца еще не закрылась, а я уже вывалилась на дорогу. Туфли мгновенно увязли в снегу. Отставший экипаж накрепился — одна направляющая отскочила. На обочине, завернувшись в плащ, изображала заметенную статую Лидия. Дядюшка с кучером, присев, разглядывали днище кареты. Тетушка что-то энергично втолковывала нашему проводнику.

— Тереза, я просил остаться, — заметил Филипп, как-то ловко скрыв досаду.

— Но я изучала бытовые заклятия, — пояснила я. — Вдруг смогу помочь в починке?

— Вы разбираетесь в устройстве экипажей?

— А вы? — с надеждой спросила я.

— Возьмите своих теток и сядьте в карету, — сухо приказал он тем самым пробирающим до нутра тоном, каким нашему сопровождающему велел остановить экипаж.

Мы кое-как упаковались в тесный салон. Клементина развязала платок, Лидия сидела не шевелясь.

— Ты жива? — тихо просила я у нее.

— Еще не поняла, — промычала она из широкого капюшона.

— Все так неожиданно случилось. Карету вдруг занесло, и полозья отвалились. Кто делает такие непрактичные кареты? — ворчала Клементина. — Но, слава богу, обошлось. Мы живы и здоровы.

— Испугались? — с сочувствием уточнила я.

— Ни в коем случае, — отозвалась она. — Мы знали, что вы вернетесь.

— Она сетовала, что не написала завещание, — заметила Лидия.

Тут дверца отворилась. Мы мигом примолкли и, как три испуганные совы, воззрились на Филиппа, заглянувшего в салон.

— Возвращаемся в город, — оглядев нас, произнес он. — Переночуем на постоялом дворе. Рендел поедет на козлах.

— А проводник?

— На багажной полке.

Невольно вспомнилась жердочка позади кареты, куда привязывали дорожные сундуки. Полагаю, эту поездку наш сопровождающий запомнит надолго.

— Хорошо, — поспешно согласилась я. — А как вы поедете?

Возникла странная пауза. Было очевидно, что места хватило всем, кроме моего мужа. Насколько жестоко заставлять его трусить следом за каретой?

— Господин Торн, тут много места, — немедленно зашептала тетушка. — Мы сдвинемся.

Очевидно, что Лидию можно размазать по стенке, но высокий плечистый мужчина в тесную коробчонку точно не уместится.

— Тереза сядет вам на колени, — нашлась Клементина.

Мы с Филиппом переглянулись. И столько в его взгляде было всего невысказанного, что мне самой захотелось бежать бодрой рысцой, глотая летящую из-под полозьев кареты снежную порошку.

— Отличная идея, — с улыбкой поддакнула я, понимая, что иду по самому краю и сейчас мы поскачем на своих двоих всем веселым коллективом Вудстоков. — Скажите, Филипп?

Он ничего не сказал. К счастью. Однако на лице показательно заходили желваки.

Некоторое время мы пыхтели и словно бы играли в детские пятнашки, пытаясь сложиться так, чтобы втиснуться в тесное пространство. Я сидела у мужа на коленях, стараясь не елозить, но капюшон утыкался ему в лицо и мех от опушки лез в глаза. С двух сторон Филиппа подпирали тетушки. Чтобы хоть как-то впихнуться в узкий зазор между женщинами, он вытянул руки и обнял меня за талию.

В тишине раздался подозрительный треск. Интересно, у него на спине порвалось пальто?

— Господин Торн, — вдруг проговорила Клементина, — я так вам и не сказала: добро пожаловать в нашу дружную семью.

Да, и сейчас мы все особенно дружны...

— Благодарю, мадам Вудсток, — проскрипел Филипп.

— Скажите, что это отлично, когда вся семья собирается вместе? — не унималась она.

— Определенно.

Я прикрыла глаза. Следовало расслабиться и получать удовольствие, раз ничего изменить невозможно, но почему-то хотелось провалиться под землю.

Уверена, семейные посиделки он представлял иными. Точно не в карете, припертый с двух сторон новоявленными родственницами, а сверху прижатый собственной супругой. Если против второго он, может, не возражал, то Лидия и Клементина в нашем соседстве явно были лишними.

Сумрак за оконцем враз сменился темнотой. Ни в карете, ни за ее пределами было не видно ни зги. Наша маленькая, но гордая коробочка остановилась. Видимо, кучер решил запалить фонарь.

— Простите, дамы, — вымолвил Филипп и попытался ссадить меня с колен.

Ссаживать было особенно некуда, разве что упереть носом в противоположную стенку. Извернувшись загогулиной, я переползла к Лидии. Та не ожидала подленького маневра, крикнула, словно из груди у нее выбили воздух, и что-то прошипела под нос, очевидно, на последнем издыхании. Никак от души посоветовала сесть на диету «хочешь есть, пей воду, милая племянница».

Между тем Филипп приоткрыл дверцу, и в душный салон ворвался веселый поток острого холода. Казалось, что муж сейчас отвесит какое-то важно распоряжение, но он удивил нас всех (меня-то точно). Протянул руку в щель и выпустил с ладони «путеводную звезду», любимое заклятие путников и мореходов. Яркий нахальный огонек взмыл в воздух, озарив снежную круговерть. Дверь захлопнулась. В плачущее от жары окошко про-

бился призрачный свет, окрасивший наши лица голубоватым мерцанием.

— Благодарю, господин маг, — прогудел возница. — Тогда уж трогаюсь!

— Трогай, — согласился Филипп и втиснулся обратно на сиденье, невольно распахав нас широкими плечами.

Он деятельно смахнул с рукава растаявшие снежинки, а подставить колени, чтобы вернуть дорогую супругу и спасти ее почти сплюсненную тетушку, что-то не поторопился. Всю дорогу мне казалось, будто я сидела не на мужниных коленях, а на раскаленных углях. Да еще вынужденно на них танцевала, когда полозья кареты подскакивали на дорожных колеях. Пересаживаться не хотелось, но Лидию было чисто по-человечески жалко. Пришлось проявить инициативу и переползти самой.

— Простите, господин Торн, — пробормотала я, напроць забыв, что мужа следовало называть исключительно по имени, иначе люди не поймут. — Пожалуй, вернусь к вам, а то Лидия уже не дышит.

— Конечно, дорогая супруга, — отозвался он, ловко перехватывая меня за талию и снова ныряя лицом в опушку плаща. — Не стесняйтесь и присаживайтесь.

Что-то ты припозднился с приглашением, я уже пристроилась и даже поерзала, устраиваясь поудобнее.

— Господин Торн, а вы можете сделать это место чуть-чуть просторнее? — вдруг высказалась Клементина, наконец признавая тот факт, что мы не просто стеснены, а буквально стиснуты. Полагаю, на эту светлую мысль ее натолкнул мой случайный пинок промокшей туфлей под коленную чашечку.

— Ни к чему, — в обычной манере, словно вокруг все дураки, а только он один самый умный, коротко проронил Филипп.

— Но вы же высший маг, — с некоторой укоризной заметила тетушка.

Высший маг оказался тертым калачом и хитрую манипуляцию мигом просек. Он же не дядюшка Рендел, право слово. Того достаточно оленьими рогами попрекнуть.

— Но мы же не хотим остаток пути пройти пешком, — не изменяя вежливому тону, намекнул Филипп, что, начни

он колдовать по-настоящему, наша последняя надежда доехать хоть куда-нибудь уйдет в небытие вместе с каретой. Расписная коробочка просто-напросто развалится на кусочки.

Зато при желании кто-то сможет пристегнуть полозья к ногам и покатиться как на лыжах, помогая себе тростью дядюшки Рендела. Остальным, правда, останется шкандыбать по колено в снегу или использовать сломанные стенки в качестве ледянки под филей и с ветерком донестись до ночлега. Хотя спуски у подножия пологие... Значит, доскрестись пятками, подгребая руками.

И так меня захватила фантазия о муже, перебирающем длинными ногами, чтобы сдвинуться с места на куске деревяшки, что я очнулась, только когда он щелкнул над ухом пальцами. «Путеводная звезда» погасла, но в окошках расплылись пятна фонарного света. Мы все-таки добрались до постоянного двора.

Спасибо, святые заступники, что не на своих двоих и полным составом! Похода по сугробам мои туфли точно не выдержали бы. Не то чтобы я собиралась их носить, но до гостевого дома в горах хотелось бы добраться обутой.

Дверцу кареты раскрыл коренастый бородатый работник в распахнутом тулупе. Когда мы по очереди начали выгружаться под снег и разминать затекшие тела, он по-простому спросил:

— Как же вы туда набились?

Филипп его причитания проигнорировал и с удовольствием размял шею, словно держал жену не на коленях, а усадил прямиком на закорки.

— С трудом, но мы очень упорные, — простучал зубами окоченевший проводник, на пузе съехавший с багажной полки.

По заставленному каретами и заметенному снегом двору с первого взгляда было ясно, что здесь полный аншлаг. Двухэтажное здание светилось всеми окнами. В маленьких домиках для постоя, спрятанных в глубине обширной территории, тоже светились огни. Очевидно, все, кого непогода застала на подступах к горе, не рисковали забираться дальше и заворачивали на ночлег в гостеприимно раскрытые ворота.

В просторном обеденном зале было многолюдно. Пахло едой, медовухой и копченым мясом. Стоял галдеж. Перед камином, расставив стулья полукругом и вытянув ноги, хмельная компания весьма приличных с виду господ сушила сапоги.

Надолго в шумном вертепе мы не задержались, а следом за хозяином поднялись на второй этаж, куда гвалт доносился беспрерывным гулом. Нас развели по разные стороны коридора, освещенного магическими лампами. Видимо, дела здесь шли неплохо, раз владельцы могли позволить дорогостоящее освещение.

Моих родных провожала горничная, а нас с Филиппом повел лично хозяин. Он страшно нервничал, все время оглядывался через плечо, хотя единственный человек, на мой взгляд, кому здесь действительно стоило нервничать, была супруга. Чем, собственно, я и занималась. Активно трусила! От мысли о первой брачной ночи в животе снова завязались крепкие узлы.

— Господин маг, комната для молодоженов! — важно объявил хозяин, распахивая дверь в просторную комнату с большой кроватью, круглым столом у окна и с двумя добротными стульями. — Сейчас принесут ужин.

— Благодарю, — кивнул Филипп, проходя внутрь.

Чувствуя себя так, словно прыгаю в пропасть, я переступила через порог и осмотрелась. Самая обычная комната, чистая и аккуратная. Видимо, специально названная особенной, чтобы польстить высокородному магу с молодой супругой, а заодно накинуть пару крон за проживание.

За спиной тихо закрылась дверь. Ручка толкнула в поясницу, заставив меня сделать несколько мелких шажочков внутрь. Пока я тарачилась на кровать, словно впервые видела такой предмет мебели, Филипп успел скинуть пальто и повесить его на деревянную напольную вешалку.

— Почему вы не раздеваетесь? — Он бросил в мою сторону недоуменный взгляд.

Что вот так, с порога раздеваться? Даже едой не покормят, сразу в постель уложат?

— Мне удобно в плаще!

Сам-то этот прыткий мужчина успел снять пиджак, вытащил из манжет рубашки запонки с черным опалом и не-

брежно бросил их на поднос с кувшином воды. Костюмный жилет красиво подчеркивал широкие плечи и узкую талию.

— Не жарко? — любезно уточнил Филипп, словно был и не против, чтобы в первую брачную ночь жена оставалась в полной амуниции. Дескать, чем бы дорогая супруга ни тешилась, лишь бы не упала без чувств от теплового удара.

— Удобно, но жарко, — со вздохом призналась я и нервно дернула завязки на вороте.

Ворот, что не удивляло, крепко стянуло. Пришлось потереть узелок между пальцами и распутать простеньким заклятием. От бытовой магии на бархатистую ткань осыпались затухающие золотистые искорки.

— Я помогу, — произнес Филипп и, встав позади, действительно помог стянуть с плеч тяжелый зимний плащ. — Почему вы нервничаете?

Почему вы стоите так близко, что чувствуете, как я нервничаю?! Но, с другой стороны, Филипп — мой муж, ему по статусу положено. Было бы странно, попытайся ко мне притереться чужой мужик.

— С чего вы решили? Я спокойна, как кирпич! — Стало ясно, что какое-то дурацкое выбрала сравнение и уверила: — Абсолютно спокойна.

— По-моему, вы в ужасе, Тереза. Не бойтесь. Я не причиню вам вреда. — В его голосе вдруг прорезались такие ноты, что по спине взметнулись мурашки и, кажется, зашевелили волосы на затылке.

— Просто на мне полосатые чулки, — ляпнула я быстрее, чем подумала, и тут бы мне заткнуться, но рот вдруг зажил собственной жизнью, а голос, несущий чудовищный бред, словно зазвучал со стороны: — Они совершенно не сексуальные. Вы в курсе, что в таких нельзя появляться перед мужем?

Филипп кашлянул, словно поперхнувшись смешком.

— Уверяю, что ваши... — он запнулся, — полосатые чулки не способны привести меня в трепет.

— В этом-то и проблема! — проворчала я, не смея оглянуться. — Они даже меня не приводят в трепет. Где здесь будуар?

Возникла ошарашенная пауза. Полагаю, произносить на постоялом дворе заграничное слово «будуар» — все равно что громко сквернословить, стоя посреди светской гостиной.

— Здесь есть уборная, — подсказал он.

— Тогда мне надо туда.

Я решительно двинулась к крашеной двери, рванула ее на себя и чуть с деловитым видом не шагнула в пустой стенной шкаф с плечиками на перекладине. Довольно просторный, к слову. Хотя в нем и стаскивай дурацкие полосатые чулки, способные испортить любую брачную ночь, а не только первую.

— Видимо, уборная за другой дверью, — резюмировала я.

— Видимо, — согласился Филипп и с любопытством проследил за торжественным проходом в другой угол комнаты.

Кошмарная планировка! Кому пришло в голову поставить клозет в пяти шагах от супружеского ложа? Никакой логики.

Как последняя трусиха, я закрылась от собственного мужа в туалете и прислонилась спиной к двери.

Святые заступники, пожалуйста, сотрите у меня из памяти последние пять минут жизни. А лучше сотрите у Филиппа! Иначе он до старости будет вспоминать, что в первую брачную ночь жена металась по комнате на постоялом дворе и чуть не вышла в шкаф.

Балансируя на одной ноге, я попыталась стянуть влажный чулок, но начала наклоняться и с грохотом врезалась плечом в медную раковину с горбатым краном. Из него ни с того ни с сего, шипя, полилась вода. Вернее, потекла тонкая струйка, но громкий скрип возмущенных труб, возможно, взбудоражил весь постоялый двор.

— Ну спасибо, тетушка, — прошептала я, пытаясь закрыть вентиля. — Удружила чулки!

— Тереза? — Филипп сдержанно постучал в дверь. — Вы в порядке?

Какой уж порядок, когда я с задранной юбкой, спущенным чулком и с паникой в сознании? Да еще о раковину отшибленная!

— Все прекрасно! — крикнула в ответ. — Дайте мне пять минут.

Но из уборной я не появилась ни через пять минут, ни через десять — пыталась справиться с одеждой и взъерошенными чувствами. Проторчала в итоге столько времени, сколько ни одна совесть не выдержит.

Если с чулками было понятно: просушила простеньким заклятием и рассовала по глубоким карманам юбки, то со страхом перед первой брачной ночью справиться не удалось. Из овального зеркала на меня по-прежнему смотрела не леди Торн, а испуганная девчонка с растрепанными кудрями, освобожденными от многочисленных шпилек.

Скрестив руки на груди, Филипп сидел перед накрытым столом с безнадежно остывшим ужином. Рядом с откупоренной бутылкой вина красовался стакан с плешивой елочной веточкой, украшенной хлипким красным бантиком. Хотелось верить, что муж от скуки не гадал на иголках, как на ромашковых лепестках, вернется супруга из туалета или нет.

Может, уже решил, что я сбегала в метель и предпочла превратиться в снежную бабу. Не в ту, что сказочное тонкокостное создание с серебристыми волосами, приносящее на Новый год счастье влюбленным, а в волосатую страшную невидаль, по слухам, живущую в пещере у Сумрачного пика. Хрупкие девы в дикой природе без подшерстка не выживают, его приходится активно отращивать вместе с клыками.

— А вот и я, — объявила с улыбкой. — Я не очень долго?

— Что вы, моя дорогая супруга, — с иронией в голосе протянул он. — Мы никуда не опаздываем.

От тонкого намека на его словах я едва не рванула обратно в уборную, но — ей-богу! — не баррикадировать же дверь от человека, который имел право на некоторый сарказм. С другой стороны, мог бы и войти в положение девушки. Черствый, как прошлогодняя булка, человек!

— А это, — он кивнул, — должно быть, те самые чулки, которые не выпускали вас из будуара?

— Чего? — не поняла я и опустила взгляд.

Из кармана юбки вылезал нос полосатого безобразия. Пришлось с непроницаемым видом, словно и не позорно вовсе, заправить его обратно.

— Хотите поужинать или сразу ляжем? — уточнил муж таким светским тоном, словно предлагал вместе полюбоваться на горные виды.

— Давайте поужинаем, — копируя его манеры, улыбнулась я и приблизилась к столу.

Мы ели в задумчивом молчании. Стараясь отсрочить главное событие этой ночи, я ритмично работала столовыми приборами, пока не почувствовала, что складировать еду просто некуда. Внутрь она не помещается.

— Вы закончили? — уточнил Филипп. Он-то утробу не набивал, обошелся бокалом вина и куском жареного мяса.

— Нет! Интересно, какое на вкус жаркое! — выпалила я, удрученно понимая, что жаркое меня прикончит. — Считаете, оно достойно моего внимания?

— Приятного аппетита, — гостеприимно повел рукой Филипп. — Ни в чем себе не отказывайте.

С большим интересом он следил, как ножом я разрезаю картофелину из жаркого на крошечные кусочки, и медленно тянул вино. На втором ломтике мы с организмом сдались.

— Здесь неплохо готовят, — улыбнулась я, хотя не ощущала вкуса еды и с одинаковым успехом могла заталкивать в себя рыбу, мясо и пшеничную кашу. Все равно не понимала, что именно жую.

— Вам больше не надо в будуар? — спросил Филипп таким вежливым тоном, что сразу и не распознаешь иронии.

— Нет-нет, — уверила я, пряча под крышку стола руки. — Туалет в вашем полном распоряжении.

Когда он скрылся в заветной комнатушке, я опрометью бросилась раздеваться. Проворности, с какой удавалось сдирать с себя одежду, пожалуй, позавидовал бы любой боевой маг. Слышала, они учатся одеваться и раздеваться на время, чтобы в случае тревоги не путаться в пуговицах. Оставшись в тонкой нижней сорочке, я скинула туфли, юркнула в ледяную постель и натянула до подбрюшка одеяло.

Филипп вышел и неторопливо, без смущения принялся разоблачаться, словно нарочно красуясь под верхним освещением. Белая рубашка прятала крепкий торс со всеми рельефами, которые так любили изображать на картинах в любовных романах. Но в меру! Когда мускулистость приятная, как у атлета, а не чрезмерная, как у боевого мага с прессом, похожим на стиральную доску.

Вообще, сидя за письменным столом, скорее заработаешь опрятный живот, но не крепкое тело. Филипп, поди, занимался каким-нибудь спортом. Но непременно агрессивным, а не миролюбивыми шахматами или унылой спортивной ходьбой. Надо же ему куда-то скидывать раздражение, чтобы потом проявлять почти нечеловеческое терпение к окружающим. Аристократам, знаете ли, по статусу положено быть сдержанными и не ругаться матом, даже если на ногу острым углом упала толстенная родовая книга.

Когда он, не щадя девичьи чувства, привычным жестом взялся за пояс на брюках, я трусливо зажмурилась. Раздался щелчок пальцами, свет потух. Прозвучали тихие шаги. Под тяжестью мужского тела прогнулся пролежанный матрац.

Дыхание остановилось, сердце застучало не в груди, а где-то в горле. От страха вспотели ладони. Хотелось их аккуратно вытереть о простыню, чтобы не хватать обнаженные мужские тела холодными влажными руками, но от паники каждая мышца в теле одеревенела. Я превратилась в неподвижное бревно.

Рядом растянулся во весь немаленький рост красивый мужчина, на которого было приятно посмотреть со стороны. Однако сегодня меня подвела смелость, и я ничего не рассматривала.

— Спокойной ночи, Тереза, — прозвучал из темноты мягкий голос.

А?!

Ноги, руки и вообще все тело мгновенно вернули подвижность. Что значит это его «спокойной ночи»? Почему мне всегда казалось, что первая брачная ночь беспокойная? Буквально ни минутки свободного времени, пока не срубит сном от изнеможения.

— Что вы там пыхтите? — через паузу тихо спросил Филипп.

— Я не пыхчу, а медитирую.

— Тереза, расслабьтесь, — посоветовал он.

Это вряд ли. Но спасибо за еще один, несомненно, практический совет. Я запишу его в блокнотик к тем ста штукаам, которые уже успела дать тетюшка Клементина. Хотя... зачем я сейчас вспомнила про тетку?!

— Я же медитирую, поэтому абсолютно расслаблена.

— Иначе не сможете заснуть, — заметил он.

— И почти засыпаю.

— Поверьте, я искренне чту традиции, но подумал, что у вас, как и у меня, нет желания продолжать род Торнов в дешевой придорожной таверне. Спите.

Ничего себе перевернул! Вроде как из нас двоих именно я жажду немедленно отдать супружеский долг, чтобы, так сказать, отстреляться и успокоиться.

Неожиданно в голове всплыл давний разговор с соседкой по комнате Виреной, просто девчачий треп после того, как она вернулась со свидания. Мы так же лежали в темноте общежитской комнатенки, а она вдруг изрекла:

— Невинность надо терять непременно на шелковых простынях.

— А вы с ним лежали на шелковых простынях? — с восторгом спросила наша третья соседка Кира.

— Нет, — легкомысленно отозвалась та и, отворачиваясь к стене, пробормотала: — Но в следующий раз обязательно.

По всей видимости, Филипп, как мужчина опытный, понимал, что первый раз на то и первый, чтобы оказаться единственным, и тоже яро радел за шелковые простыни.

— А нельзя было предупредить, что мне рано нервничать? — с удовольствием переворачиваясь на бок и засовывая руку под подушку, пробормотала я себе под нос. — Я бы тогда не ела, как в последний раз.

Молчание Филиппа показалось ошарашенным.

— Тереза? — наконец с искренним удивлением вымолвил он.

— Спокойной ночи, дорогой супруг.

Первая брачная ночь у мужа, в отличие от моей, действительно выдалась безмятежной. Даже хотелось специально ему ткнуть локтем куда-нибудь... в ребра, чтобы как будто случайно разбудить и заставить разделить радости бессонницы с пережившей супругой. Но я боролась с соблазном и старалась лишний раз не шевелиться. Вдруг спросонья Филипп решит, что жена настаивает на продолжении рода Торнов. Возьмет и не откажется от внезапного предложения, даже несмотря на принцип шелковых простыней. Кто знает, какая каша варится в голове у сонных мужчин.

Переполненный постоялый двор постепенно стихал. В коридорах воцарилась зыбкая тишина. Где-то во дворе сначала брехала собака, но быстро сдалась. Заснули, похоже, все. Разумеется, кроме меня. К людям, проглотившим трехдневный рацион за один присест, даже дрема не идет.

Под одеялом было душно. Я осторожно пошевелилась, пытаясь спасти от онемения руку, и прислушалась к мужчине рядом. Филипп не проснулся. Сразу видно: у человека здоровый сон, не омраченный ни перееданием, ни муками совести.

Ободренная тем, что он ничего не заметил, я маневренно перевернулась на другой бок и неожиданно носом уткнулась в крепкое обнаженное плечо! Этот подлый мужик устроил дерзкую эскападу на мою половину и задрых как ни в чем не бывало, беспечно закинув руку за голову. Словно имел право на весь матрац! Знала бы — нет, не стала теснить его, — сама бы сдвинулась на край кровати. Во избежание, так сказать.

Неожиданно он резко перевернулся. Одеяло, скрывающее все, что было ниже пояса, охотно соскользнуло и продемонстрировало крепкое обнаженное тело с темным покровом на бедрах. Понятия не имею, что снилось дражайшему супругу, но его мужская гордость не отличалась ландшафтной ровностью. Наоборот, бугрилась и показательно натягивала ткань.

Отчасти я понимала, что именно происходило с мужчиной рядом с женщиной, когда он бодрствовал. Но мой-то спал! О том, что некоторые физиологические функции продолжали действовать даже в состоянии мерт-

вещного сна, в медицинской энциклопедии ничего не говорили. Да даже не намекали!

Вплоть до этого мгновения я искренне верила, что инстинкт размножения засыпал вместе с мужчиной, как и инстинкт говорить гадости или инстинкт реагировать на улыбки прелестных дурочек... Как жить с этим знанием? Да и зачем в таком случае я пролежала дракон знает сколько времени неподвижно, если опасность внезапно оказаться отдающей брачный долг никуда не делась?!

И пока я, сбитая с толку внешним несоответствием мужа с энциклопедией, предавалась рефлексии, его ладонь вкрадчиво скользнула по изгибу моей талии. Да там и остановилась.

— Филипп, у вас очень тяжелая рука, — испуганно попыталась я пресечь дерзкое поползновение.

Он категорично накинул на мои бедра тяжелую ногу, пригвозждая к кровати. Хорошо под себя не подмял!

— У вас ноги, как чугунный мост, — посетовала я и поняла, что смогу пережить ночь только после пары глотков успокоительной настойки, а заодно снадобья для желудка.

Кое-как я выползла из-под мужниной ноги. В темноте на ощупь надела туфли, схватила наброшенный на вешалку плащ и тихонечко выскользнула за дверь.

В коридоре царил полумрак, магические огни в фигурных светильниках еле-еле теплились. В углах и у пола собрались глубокие тени. Быстренько накинув на плечи плащ, я двинулась в комнату, где ночевали мои родные. Тетушка Клементина обязательно таскала в дорожном сундуке шкатулку с аптекарскими снадобьями.

С другого конца коридора в замороженной тишине несло нечто среднее между рыком умирающего вепря и ревом разъяренного дракона. Дядька Рендел храпел на весь постоянный двор.

Неожиданно куча белья, наваленная на широкий хозяйственный сундук у стены, зашевелилась. Вообще, я никогда не считала себя набожной, но от страха отшатнулась и осенила грудь святым знаком. Инфернальное создание село, спустило ноги на пол. Привидением оказалась Лидия, завернутая с головой в одеяло.

— Ты что делаешь в коридоре? — изумилась я.

— А ты? — прошелестела она.

В тусклом свете тетушка выглядела взлохмаченной, измученной и очень несчастной. Под глазами темнели круги.

— Иду к вам. Хочу снадобье для сна.

— Господин Торн тоже храпит?

— Нет, просто не спится, — буркнула я, не объяснять же все перипетии нашей с Филиппом первой брачной ночи.

— Понимаю, — вздохнула она. — Ты полна впечатлениями.

Не столько впечатлениями, сколько едой.

— Почему ты сидишь в коридоре, как бедная родственница? — перебила я.

— Слышишь? — тихо спросила она с очень странным видом.

— Что? — решив, что у тетушки слегка подтекла от бессонницы крыша, осторожно уточнила я.

— В отличие от твоего мужа, Рендел храпит. Это невыносимо!

Дома дядюшка спал в отдельной спальне со звуконепроницаемой дверью из специальной древесины. Храпел ночи напролет, никому не мешая.

— Затычки в уши тоже не помогают, — жаловалась Лидия. — Клементина-то заткнула и успела уснуть раньше Рендела, а я решила чуть-чуть почитать и упустила момент.

Неожиданно внизу зазвучали мужские голоса. На лестнице раздались тяжелые шаги. Мы обе встрепенулись. Пока незнакомцы не появились в коридоре, я тихо скомандовала Лидии подниматься и утянула за собой в комнату для молодоженов. Вообще-то, план был просто переждать, когда коридор опустеет, а потом вернуть тетку к родным, но стоило нырнуть в пахнущую едой темноту номера, как Филипп проговорил:

— Вернулись?

Раздался щелчок пальцами. Вспыхнули стенные светильники, и наступила ошарашенная тишина.

Я морщилась от яркого света. Филипп, растянувшийся на кровати во всей полуобнаженной красе, смотрел на Лидию, а та из одеяла вытаращилась на него большими круглыми глазами.

— Госпожа Вудсток, как неожиданно вас встретить в нашем номере, — вымолвил он, вкрадчивым жестом натягивая на нижнюю половину покрывало. — Что вас привело сюда?

— Сюда меня привела Тереза, — честно ответила тетка. Филипп обратил на меня выразительный взгляд:

— Леди Торн, позвольте вас на минуту.

— Конечно, господин Торн, — покаянно вздохнула я. — Если вам очень хочется поговорить.

— Дайте мне... — он на мгновение прикрыл глаза, словно пытаясь справиться с раздражением, и протянул руку: — одежду.

— Я выйду, — прошелестела Лидия.

— В коридоре небезопасно, — спохватилась я, разрываясь между мужем без порток и Лидией без места для ночлега.

— Тогда просто отвернусь, — предложила она. — Вы не стесняйтесь, господин Торн. Чувствуйте себя как дома.

Честное слово, лучше бы она промолчала и просто отвернулась!

Пока он поспешно облачался, Лидия сосредоточенно изучала горный пейзаж, висящий в рамочке на стене.

Мы с Филиппом вышли из комнаты в прохладный сумрачный коридор. Он прикрыл дверь и тихо спросил:

— Почему вы сбежали, Тереза?

— Не спалось, — покаялась я.

— И вы решили, что лучше не спать в другом номере?

— Хотела взять у тетушки снотворных капель, но наткнулась на Лидию. — Я указала рукой на хозяйственный сундук. — Вы же знаете, как опасно девушке оставаться одной на постоялом дворе.

— Поэтому вы решили составить ей компанию?

— Нет, я хотела ее вернуть к родным, но по лестнице начали подниматься какие-то хмы... подозрительные личности. И мы спрятались в ближайшей комнате. По случайности ближайшей оказалась наша с вами спальня.

— Какое любопытное приключение, — протянул Филипп, и вдруг стало ясно, что он не просто раздражен, а по-настоящему взбешен. Его можно понять: сама ненавижу, когда меня будят среди ночи с какой-нибудь иди-

отской проблемой. — Тереза, не подумайте, что я предъявляю претензии...

Поздно. Я уже об этом думаю.

— Но вы не находите, что ваших незаметных родственников становится слишком много в нашей жизни?

Какой хороший вопрос! Найти бы на него достойный ответ.

— Просто наша с вами совместная жизнь только-только началась, — в порыве вдохновения я взмахнула рукой, — поэтому их присутствие кажется концентрированным. Потом оно размажется по годам, и вы их перестанете замечать.

— Интересная теория.

— Филипп, умоляю вас: потише! — взмолилась я. — Лидия только кажется оторванной от мира, но у нее очень острый слух. А дядюшка, как назло, чудовищно храпит. Ни одни беруши не помогают. Я использовала бы магию, чтобы решить их проблему, но не обучена таким заклятиям.

— Готов по-родственному лишить вашу тетку слуха, — сцедил он.

— Какая жестокость, господин Торн! — охнула я.

— Вы предлагаете ее подложить к нам третьей?

— Я к тому, что не надо делать ее полностью глухой! Это негуманно. Но чуток глуховатой, по-моему, уместно. И ей хорошо, и нам тоже... неплохо.

У Филиппа выразительно изогнулась одна бровь. То ли от удивления, то ли от нервного тика.

— Но только на эту ночь! — добавила я. — Иначе мы с утра ее не добудимся.

Как два вынужденных заговорщика, мы тихонечко, стараясь не скрипеть ни половицами, ни дверью, вернулись в комнату. Лидия лежала на кровати, прикрывшись своим одеялом, и крепко спала. В опарашенной тишине было слышно безмятежное сопение.

Я жалобно посмотрела на Филиппа и прошептала:

— Если я лягу посередке, то вы даже не заметите ее присутствия.

Он прикрыл глаза и потер переносицу, что-то серьезно обдумывая. Может, вспоминал, какое содержание прописал в брачном контракте в случае развода, и подсчитывал,

заслужила ли я эту весьма внушительную сумму, пробыв его женой меньше суток.

— Не так я себе представлял первую брачную ночь, — пробормотал он.

— Понимаю, вы хотели хорошенько выспаться, — тихонечко поддакнула я, следуя совету тетушки «соглашайся с мужем во всем, через сорок лет объяснишь ему, что он кретин».

Филипп для чего-то снял с вешалки пальто и начал его надевать. В сугроб, что ли, решил закопаться или просто прогуляться?

— Вы куда? Хотите снять еще одну комнату?

— Если бы здесь были свободные комнаты, ваша тетка лежала бы в своей, а не в нашей кровати, — проговорил он. — Ухожу в общую залу.

— Тогда идем вместе!

— Зачем? — насторожился Филипп.

— Я ваша жена и обязана разделять все жизненные тяготы.

— Не лишайте себя радостей спокойного сна.

Наверное, он представил, как следом за нами в общий зал, где на деревянных раскладушках спали те, кому не хватило крон на отдельную комнату или же не досталось отдельного закутка, потянутся все мои родственники. Управлять парадом будет тетушка Клементина, Лидия о кого-нибудь споткнется и поднимет переполох, а потом дядька Рендел громыхнет драконьим ревом и распушает всех конкурентов на мирный отдых.

— Вы уже спали на раскладушках? — нешуточно всполошилась я. — Спину потом не прихватит?

— Не беспокойтесь, у меня здоровая спина, — отозвался он, продвигаясь к выходу.

— Если вдруг не хватит раскладушки, то возвращайтесь! Как-нибудь разместимся.

— Хорошенько выспитесь, дорогая жена. — Он бросил на меня выразительно-ироничный взгляд. — Поставьте на замок заклятие, чтобы никто не вошел.

Филипп скрылся за дверью. Я стояла посреди комнаты и не верила, что умудрилась выставить мужа из спальни в нашу первую брачную ночь. Если мы вопреки всему до-

тянем до старости, то расскажу эту историю нашим внукам. А еще лучше — напишу мемуары с самыми позорными моментами своей жизни.

Погода в горах непостоянная, как ветреная кокетка. К утру тучи разошлись, явив бескрайнее прозрачное небо и потрясающее воображение Сумрачный пик на горизонте, словно окутанный сизой дымкой. О ночной непогоде напоминали лишь искрящие на солнце сугробы, да глубокие колеи на дороге.

О том, как спалось мужу в общей зале, легко угадывалось по его настроению и непроницаемому взгляду, обращенному в бесконечность. Тетушки и дядька Рендел с самого пробуждения так отчаянно доказывали, какие они деликатные и незаметные люди, что лишней раз старались не попадаться Филиппу на глаза. Молчком уселись в расписной коробчонек, полностью признав право молодых ехать в просторном комфортном экипаже, присланном из гостевого дома. Ну просто образчик кротких родственников! Сердце радовалось.

И оно радовалось бы гораздо больше, если бы ночью не случилось неловкости с Лидией. Пропустив дурацкие вопросы о том, как ему спалось — очевидно, что не очень хорошо, — я сразу начала каяться:

— Филипп, я чувствую себя чудовищно оттого, что вам пришлось уйти в общую залу. Мне жаль.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули, — отозвался он, снимая с измятых брюк ворсинку. Не воображаемую, а самую настоящую.

Вообще, возникало ощущение, что возле него спал кот. Или даже два кота. Так и представлялось, как он спихивал с себя хвостатых тварей, но они наседали, отвоевывая пространство на раскладушке.

— Я почти не спала.

Мягко говоря, обеспокоенность мужниным благополучием была сильно преувеличена. Едва коснувшись подушки, я провалилась в такой крепкий сон без сновидений, что с утречка Лидия с трудом меня добудилась.

Оказалось, что тетюшка Клементина, недосчитавшись сестры, решила, будто та сбежала с незнакомцем в неизвестном направлении, и, видимо, поторопилась поделить-

ся радостной вестью. Почему-то идея, что Лидию украли, в голову ей не пришла. Обнаружив беглянку в комнате для молодоженов вместо моего новоиспеченного супруга, тетка впала в глубокую задумчивость и сделалась очень тихой. Во всех смыслах этого слова.

— Филипп, мне действительно очень жаль! — с душой повторила я.

— Вы уже говорили, — уронил он.

— Я хочу еще раз повторить, чтобы вы поняли, насколько мне жаль. Очень!

— Не беспокойтесь, я понял. — Он бросил на меня нервующий взгляд из-под ресниц.

— Хорошо, — вздохнула я и, сама от себя не ожидая, выдала глубокую мудрость от Марджери Торн, полученную во время ее приезда в Энтил: — Взаимопонимание — путь к счастливой жизни.

Филипп подавился на вздохе и едва слышно кашлянул в кулак. Ладно, согласна: большой перебор. До взаимопонимания нам, как на костылях до Сумрачного пика.

Дальше мы ехали в обоюдном молчании. Не знаю, о чем думал муж, глядя в окно, но я зачем-то подсчитывала в уме, как далеко в горах можно доскрестись на костылях. Очень успокаивающее занятие, к слову. Так расслабилась, что едва не начала зевать.

Как оказалось, гостевой дом назвать именно «домом» не повернулся бы язык ни у одного вменяемого человека. Это был старинный замок с облагороженным фасадом, подновленной въездной площадью и помпезным парадным входом.

Значительный и тяжелый, он стоял на фоне горы, прикрытой снежной шапкой, и высокомерно возвышался над уютной курортной деревушкой. Одной из тех, что любили изображать на цветных карточках, которые продавали в книжных лавках по четверть кроны за штуку.

У дверей нас встретил импозантный распорядитель в камзоле с вышитой на груди эмблемой гостевого дома. Пока мы поднимались в холл по длинной лестнице, покрытой красным ковром, он убеждал нас, как неимоверно горд, что Филипп Торн выбрал для медового месяца их гостевой дом. Муж высокомерно молчал, чем нервировал

не только раздухарившегося многословного распорядителя, но и нас всех.

Когда мы оказались в холле, я на секунду ослепла. Не от богатой обстановки, а от яркой люстры на сотню магических огней, каскадом спускавшейся с потолка и отбрасывающей вокруг мозаичную тень. Народу в дорогом гостевом доме было ничуть не меньше, чем в дешевом постоялом дворе. Казалось, что вся столичная публика, только вчера поглощавшая тарталетки на свадьбе, переместилась на зимний курорт. Правда, по большому счету, на нас никто особенно не обращал внимания, разве что некоторые бросали любопытные взгляды.

— Ваши апартаменты давно готовы, господин Торн, — отчаявшись выбить из гостя хотя бы слово, докладывал распорядитель.

— Попросите кого-нибудь проводить родственников моей супруги в их номера, — наконец пожелал разлепить губы господин Торн.

— Совершенно незачем, — обрадованно объявил распорядитель. — Мы устроили все по высшему разряду! Вы живете на одном этаже.

— Простите? — от чудесной новости Филипп даже притормозил.

Мы тоже всей кучей притормозили, а заодно попятнулись, собираясь вокруг дядьки Рендела. Вообще, сбиваться в стайку было тактически недальновидно. Если придется прятаться, то мы споткнемся друг о друга и устроим большую свалку.

Распорядитель замаялся, видимо, решив, будто что-то напутал.

— Как вы и велели в письме, — почти с отчаянием напомнил он и почему-то уставился на меня, словно именно я была главным недовольным элементом. — Просторные апартаменты по соседству. С видом на горы и балконом. Одни для молодоженов, другие для их сопровождающих. Правда, номера не совсем по соседству, а в разных концах коридора... Мы, конечно, попробуем что-нибудь поменять, но вы же понимаете, высокий сезон. Все лучшие номера выкупили еще с осени.

— Что ж, ведите, — кивнул муж, видимо, мысленно смиряясь с неизбежным соседством.